

УДК 111.8

О. И. Ставцева

Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов
192286 РФ, Санкт-Петербург, Фучика, 15**ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ КОНЦЕПЦИИ
«ПРОИЗВОДСТВА ПРИСУТСТВИЯ» Х.-У. ГУМБРЕХТА**

© О. И. Ставцева, 2018

В статье выявляются философские истоки литературно-культурологической концепции присутствия Х.-У. Гумбрехта — хайдеггеровское понимание бытия и поэтического отношения к миру в противоположность техническому, направленному на захват и освоение сущего. В результате проведенного анализа предлагаются три интерпретации гумбрехтовского концепта присутствия — теологическая, психоаналитическая, а также связанная с хайдеггеровской идеей мышления бытия.

Ключевые слова: М. Хайдеггер, Х.-У. Гумбрехт, преодоление метафизики, присутствие, техника, поэтическое, просвет бытия, эпифания.

Современный литературовед и культуролог Х.-У. Гумбрехт в своей работе «Производство присутствия: чего не может передать значение» противопоставляет два типа культур — культуру значения и культуру присутствия. Культура значения связана прежде всего со знанием, выраженным в текстах, в строгом нормировании действительности, разграничении мира на различные зоны, в организации опыта через представление, ослабляющее воздействие вещей на наше тело и чувственность. Культура присутствия (Präsenz) основывается не на понятиях, а на событиях, на пространственном отношении к миру, когда присутствующее оказывает непосредственное воздействие на человеческое тело, минуя процесс означивания и осмысления. В данной статье предпринимается попытка выявить философские основания культурологической концепции Гумбрехта и дать интерпретацию его ведущему понятию присутствия, с чем связана научная новизна статьи.

Задача, которую ставит сам Гумбрехт перед своим исследованием, формулируется им так: «положить конец эпохе знака, ... метафизике», что значит «выработать такие категории, которые бы позволили бы вступать в более сложные отношения с миром, чем лишь одно толкование, т. е. присвоение миру смысла» [1, с. 61]. В свои союзники по выполнению этой задачи, продолжающей критику присутствия Ж. Деррида, Гумбрехт берет современных мыслителей Дж. Ваттимо, У. Эко, Ж.-Л. Нанси, М. Зееля, Х.-Г. Гадамера, а также отмечает, что опирается на идеи М. Хайдеггера. Подробное рассмотрение основных понятий хайдеггеровской мысли, лежащих в основании гумбрехтовской конструкции, будет основной задачей данного исследования.

Прежде всего Гумбрехт опирается на хайдеггеровское понятие «бытие-в-мире» как на концепт, восстанавливающий «моменты присутствия в нашем отношении к вещественному миру» [1, с. 74]. Несомненно важными для концепции Гумбрехта является хайдеггеровское понимание бытия, а также хайдеггеровская критика картезианского обоснования бытия

с помощью мышления. Развитие этих идей, по мысли Гумбрехта, помогут выйти за пределы метафизической традиции. Поэтому Гумбрехт уделяет достаточное количество времени, чтобы проанализировать эти концепты.

Остановимся подробнее на гумбрехтовском анализе хайдеггеровской категории «Бытия», который можно обобщить в четырех тезисах [1, с. 75–85]. Кратко перескажем их:

1. Невозможность понимания Бытия с помощью какого-либо концепта. Бытие — это нечто совершающееся, событие (das Geschehen). Свершение описывается М. Хайдеггером как двойной процесс раскрытия и утаивания. Бытие не есть нечто духовное или концептуальное, оно относится к сфере вещей, оно субстанциально и пространственно. Свершение, явление Бытия есть свершение истины.

2. «Свершение истины», т. е. движение, явление Бытия сложно и многомерно. Направления этого движения: вертикальное (восходящее властвование), т. е. по сути возникновение, с восхождением к здесь-бытию, и занятие места в пространстве; горизонтальное, которое указывает на Бытие как на нечто воспринимаемое. Третье направление — удаление, которое может быть описано так: «являющиеся вещи» в просвете Бытия «уже не имеют характер объектов» [1, с. 77]. Бытие раскрывается и удаляется, оно отсылает к вещественному, пространственному миру, еще до его толкования с помощью каких-либо культурных категорий. «Бытие оказывается Бытием лишь вне всякой сетки семантических и вообще культурных различий» [1, с. 77]. Раскрытие Бытия есть подступание к порогу значений и удаления от него.

3. Роль человеческого существования (Dasein) в свершении истины. Dasein — не субъект, это бытие, которое всегда находится в контакте с подручным миром. Самым важным умением в деле раскрытия Бытия является покой, «способность не противиться ходу вещей», «способность отказаться от всякого трансцендирующего воображения и проецирования» [1, с. 79]. Инициатива к раскрытию Бытия исходит от Бытия,

а не от Дазайн, которое воздерживается от истолкования, преобразования и манипулирования миром.

4. Художественное произведение Хайдеггер понимает как привилегированное место для свершения истины, т. е. для раскрытия Бытия. Раскрытие есть одновременно и удаление: Свершение истины заставляет видеть вещи необычными, вне культурных различий, т. е. в ничто [1, с. 79]. Но и «Бытие всегда и исключительно раскрывается в форме и субстанции вещей, составляющих часть конкретных культур» [1, с. 83]. «Мир» представляет собой модус интеграции, фон раскрытия вещей.

Несомненно, что хайдеггеровское понятие бытия лежит в основе разрабатываемой Гумбрехтом категории присутствия (*Präsens*), призванной преодолеть метафизическое отношение к миру, основанное на значении. Описываемый им конфликт между значением и присутствием Гумбрехт находит и в хайдеггеровской архитектонике, а именно в конфликте «земли» и «мира», очерченным Хайдеггером в «Истоке художественного творения». По нашему мнению, гумбрехтовская критика культуры значения более релевантна разрабатываемому Хайдеггером противопоставлению метафизики и мышления бытия, а также конфликту технического и поэтического отношения к миру. Рассмотрим подробнее хайдеггеровское понимание техники и искусства, анализируя произведения «Время картины мира», «Вопрос о технике», «Из диалога о языке. Между японцем и спрашивающим».

Перечисляя основные явления Нового времени, Хайдеггер включает в них науку, машинную технику, а также искусство, которое «вдвигается в горизонт эстетики; что значит: художественное произведение становится предметом переживания и соответственно искусство считается выражением жизни человека» [2, с. 42]. Для того, чтобы искусство стало предметом переживания, оно должно было стать объектом представления, а сам человек — субъектом представления. Именно это и происходит в Новое время, метафизическим основанием которого Хайдеггер считает «опредмечивание сущего в представлении» [2, с. 48]. Любое сущее может быть представлено так, чтобы человек имел к нему доступ, обеспечил себя со стороны этого сущего. Истина превращается в достоверность представления. Мир, т. е. сущее в целом, воспринимается как картина, конструктор представленности. Это отражается в процессах художественного творчества, а также самопредставления художников. Европейская метафизика в ходе своего развития порождает науки, технику, представляющие отношение к миру и эстетику как его часть.

В выступлении «Вопрос о технике» М. Хайдеггер описывает инструментальность как основную черту техники [2, с. 225]. Но техника двойственна, поскольку «всякое про-из-ведение стоит на раскрытии потаенности», а техника — способ раскрытия непотаенности. «Выведение из потаенности, которым захвачена современная техника, носит характер предоставления в смысле добывающего производства» [2, с. 227]. Это поставляющее производство осуществляет человек,

но при этом непотаенностью как таковой, в которой «пребывает действительное», как говорит Хайдеггер [2, с. 228], человек не распоряжается. Сущность техники Хайдеггер определяет как постав (*Gestell*), нечто составленное, пребывающее, которое не есть осуществление. Но только осуществляющееся пребывает. «О-существование впервые только и наделяет человека той долей участия в раскрытии, какого требует событие выхода в непотаенность. Человек сбывается только в событии истины как требующийся для нее.» [2, с. 236]. Человек обретает свое высшее достоинство в том, чтобы беречь непотаенность. Техника, постав несет в себе опасность, поскольку втягивает человека в поставляющее производство как будто бы единственный способ отношения к истине, но в этой же опасности пребывает спасительное, поскольку заставляет задуматься о принадлежности человека к осуществлению истины. Эту соединенность опасности и спасительного Хайдеггер неоднократно проясняет на протяжении всего текста своего доклада, определяя своеобразие современной эпохи как соединение двух взаимоисключающих явлений: планетарного технического производства и тайны бытия. Дело человека — оберегать возрастание спасительного, увеличивающееся вместе с мощью техники. Но этого недостаточно.

В поисках света спасительного Хайдеггер оглаживается назад, на зарю европейской истории, и замечает, что когда-то не только техника носила название «техне». Так в греческую эпоху именовалось искусство, которое есть «про-из-ведение истины в красоту»: «в Греции искусства поднялись до крайней высоты осуществимого в них раскрытия тайны. Они светло являли присутствие богов, диалог божественной и человеческой судьбы» [2, с. 237]. Важно, что искусства не относились к эстетической сфере, предметы искусства не были объектами эстетического наслаждения. Искусства («техне») выводили раскрытие потаенности, являли истину в сиянии красоты. Теперь же, перед лицом голой эстетики, в рамках представляющего отношения к миру мы не можем понять сути искусства [2, с. 238].

Противопоставление присутствия и субъектно-объектного отношения к миру можно найти в хайдеггеровском тексте «Из диалога о языке. Между японцем и спрашивающим», в котором среди прочих тем говорящие обсуждают понимание графом Куки того, на чем покоится существо японского искусства и поэзии, которое по-японски зовется *ики*. То, что именуется данным термин, трудно переводимо на европейские языки, но, опираясь на хайдеггеровскую герменевтику, ведущий беседу японец надеется донести до слушающего его содержание.

Эти попытки донесения смысла *ики*, лучше сказать, явления *ики*, прерываются разъяснением того, что Хайдеггер понимает под герменевтикой, прояснением сути языка, существа человека. Собственно, *ики* есть несказанное, — дает понять японец, — сам язык постоянно разрушает любые попытки сказать [2, с. 281]. Это указание дает повод сравнивать означаемое этим термином с гумбрехтовским присутствием, которое вырывается из-под власти представления, значения, языка.

Кроме того, прояснение данного японского термина дает возможность еще раз проблематизировать хайдеггеровское понимание эстетики как метафизического учения об искусстве. Пример, который приводит японский участвующий в диалоге, такой же, который приводит Гумбрехт, говоря об избавлении. Это японский театр Но с характерными для него пустотой сцены и выразительностью жеста. Пустота сродни Ничто, о котором речь идет в известной лекции Хайдеггера «Что такое метафизика?». Ужас, веящий от Ничто, застит все сущее, и показывает бытие, присутствие присутствующего. Человек как существо, хранящее двусложность, которая не будучи предметом представления, предстает человеку как «правящее требование» [2, с. 290]: «Человек — носитель вести, которую ему вручает открытие двусложности» [2, с. 294]. Японский участник диалога опасается, что данное им определение *ики* попадет в ловушку эстетического представления. Эстетика подразумевает субъект-объектное отношение, которое все делает предметом чувства и представления, переживания, соотношения объективного с субъектом. Для участников диалога важно постичь явление явления. Хайдеггер и в этом месте ссылается, опирается на греческий опыт: «Греки впервые испытали и продумали феномены как таковые. Им совершенно чуждо оформление присутствующего в предметность: феномен у них значит: достичь явности и в ней явиться. Явление остается тут основной чертой присутствия присутствующего, поскольку это последнее восходит к непотаенности» [2, с. 293]. Именно в таком являющем себя действии мы должны понимать *ики* — прелестное (этот термин отсылает к Шиллеру, к субъект-объектному отношению). Прелестное, или «веяние тишины озаряющего восторга», проясняет Хайдеггер [2, с. 296] и добавляет: «всякое присутствие имеет свое происхождение в прелести в смысле чистого восторга зовущей тишины» [2, с. 297].

Тишина... Есть ли еще время, когда мы ничего не интерпретируем? — задается вопросом другой представитель современной эстетики, стремящийся выйти за пределы интерпретации, — Ричард Шустерман [3, с. 181]. Кажется, об этом миге покоя говорит Гумбрехт, ведя речь об избавлении [1, с. 134]. Но прежде, чем рассматривать избавление и возможности его достижения, поговорим о заботе, важном термине для экзистенциальной онтологии М. Хайдеггера. Хайдеггер дает структурное определение заботы как «впереди-себя-уже-бытие-в (мире) как бытие-при» [4, с. 192], где момент «быть впереди себя» указывает на экзистенциальность, эк-статичность бытия Дазайн, «уже-бытие-в (мире)» — на фактичность, «бытие при» — на падение. Забота не означает здесь тревожность, хлопотливость, озабоченность, термин употребляется «чисто онтологически-экзистенциально» [4, с. 192], объединяя три выделенных характеристики Дазайн благодаря такой структуре, как временность. Временность описывается Хайдеггером с особым вниманием к будущему, настоящему. Забегая вперед, Дазайн помнит о своем прошлом. Забегая вперед, мы обозначаем себя в ситуации и возвращаемся к бывшему, случившемуся до нее. Такой способ нашего бытия

обозначается Хайдеггером как временность, которая и есть смысл заботы [4, с. 326]. Исходя из временности Хайдеггер анализирует экзистенциалы: понимание бытия описывает как самопроектирование, связанное с заступанием вперед. Несобственный способ бытия — поджидание, ожидание, убегающее в настоящее, отказывающийся от открытости. Забегая вперед, Дазайн удерживает ставшее. Временная интерпретация расположенности показывает настроенность, фактичность Дазайн. Всегда ли экзистирующий в состоянии увидеть раскрытый своей экзистенцией мир, а также выразить его в слове, чтобы сделать его видимым для других? Для этого требуется поэзия, но не как размеренная речь, а как открывающее истину Бытия слово. «Поэзия — это ничто иное как элементарное обретение слова, т. е. открытие и удержание в открытости экзистенции как бытия-в-мире» [5, с. 228].

Гумбрехт употребляет термин «забота», говоря об избавлении от нее, не в хайдеггеровском смысле, т. е. не в смысле заботы как способа бытия Дазайн. Есть ли моменты избавления от заботы истолкования, понимания мира? — такой вопрос беспокоит Гумбрехта. Да, этими моментами являются моменты эстетического переживания, которое исследователь противопоставляет эстетическому опыту, связанному со значением, пониманием, толкованием. Моменты эстетического переживания — это моменты присутствия в его интенсивности. Гумбрехт описывает их как завораживающие, привлекающие нас, они удалены от мира повседневности, эфемерны в культуре присутствия. Для обобщения этих моментов Гумбрехт употребляет термин эпифания — событие, когда имеет место конфликт присутствия и значения, когда предметы показывают себя и исчезают. Это гумбрехтовское описание эпифании наводит на мысль классика философии XX века: «В самом деле, существует невысказываемое. Оно *показывает* себя, это — мистическое» [6, с. 72]. Еще одним близким понятием может быть беньяминовское понятие «ауры», которую произведение искусства теряет, становясь технически воспроизводимым значением.

Какой же смысл предлагаемого Гумбрехтом понятия присутствия как избавления от значений и выводимого им, несомненно, из философии М. Хайдеггера, в том числе из концепции события истины, которая свершается в искусстве? Можно предложить три интерпретации.

Во-первых, теологическая. Как замечают исследователи [9, с. 235], понятие присутствия имеет теологический смысл. И поздний Хайдеггер может быть теологически проинтерпретирован. Сам Гумбрехт задается вопросом о тождественности теологического опыта эстетическому. Пример эпифании, который приводит Гумбрехт, — японский театр. Подобные же мысли можно найти в описании «космического опыта» у В. Беньямина, который отмечает, что в европейской культуре происходит убывание «космического опыта» с возникающим преобладанием оптического в вопрошании человеком его связи с космосом, когда астрономия занимает место астрологии: «Связь древних с кос-

мосом была иной: трансом, состоянием непрерывного космического единства, о котором в наши дни можно говорить лишь как о мистической формуле; состояние транса именуется давно утраченную возможность естественного рая, которую сегодня можно повторить лишь как искусственно вызванное забвение того, что отличает близость и даль, субъекта и объекта, сознание и память» [8, с. 60]. Состояние транса в данном случае можно понимать как состояние космического единства, естественного рая, утраченного в ходе развития культуры. Сегодня можно повторить эти ощущения единства в опыте присутствия как в моменте забвения любых различий, избавления от всяческих значений.

Во-вторых, психоаналитическая интерпретация. Не является ли присутствие, так чаемое Гумбрехтом, некоторой младенческой иллюзией, опытом переживания единства с миром, разрыв которого весьма травматичен, а потому вытеснен и забыт? Гумбрехт подчеркивает значение прикосновений, телесной связи для присутствия. Будучи потерянной, эта связь вытесняется. В опыте взрослого человека, в культуре значения, как формулирует Гумбрехт, он дан как опыт отсутствия, дистопии, указанием на важность которого мы обязаны Н. М. Савченковой, противопоставившей описание любви как невстречи, неприсутствия в рассказе И. А. Бунина «Кавказ» набоковскому описанию любви как прикосновения, эротического события [7].

Чем же в таком случае является избавление от значения? В первом случае, потерей себя, растворением в божественной реальности. Во втором случае, — неприсутствием. Соединяет, точнее, пересекает, выводит эти две формы избавления в одну и ту же плоскость — плоскость речи, высказывания поэзия, литературный опыт, опыт приведения ко слову. В этой связи исследователь Э. Крейцмайр [9, с. 244] указывает на один термин, который, переставляя звуки, шутливо создает Ж. Лакан в 1970-е гг. — *lituraterre*. Первая часть анаграммы восходит к *litura* (лат.) — подчистка, намазывание, вычеркивание, вторая *terre* — земля, — соединяются в метафоре намывной земли, которая разъединяет два гомогенных поля — *jouissance* и бессознательное знание, центром и отсутствием, избегающим структуры. Именно записанные слова, буквы могут производить отсутствие, продуцировать пустоты, позволяющие реальному прорваться в текст, связывающие бессознательное знание и наслаждение.

В-третьих, возможно соотнести гумбрехтовское понятие присутствия как избавления от значений и интерпретаций с понятием «просвет», сформированным Хайдеггером в рамках концепции завершения метафизики. Для того, чтобы проанализировать тему «просвета бытия» обратимся к тексту доклада М. Хайдеггера «Конец философии и задача мышления» [10, с. 1–14]. Конец философии Хайдеггер определяет топологически, как «место, ... в котором целокупность ее истории собирается в своей предельной возможности» [10, с. 2]. Философию вводит в завершение «переворот метафизики» К. Марксом, «вывертывание наизнанку платонизма» Ф. Ницше, но при этом способ мышления философии не прекращается. Еще в век

греческой философии начался процесс, завершающий философию, — это образование наук внутри того поля зрения, который открыла философия [10, с. 2]. Науки с помощью представляюще-рассчитывающего мышления берут на себя прежнюю задачу философии — представить онтологию различных областей сущего (природа, история, право, искусство) [10, с. 3]. Успехи наук значительны, конец философии можно обозначить как «триумф» управляемой организации научно-технического мира, начало мировой цивилизации, основывающейся в западноевропейском мышлении [10, с. 3]. Но Хайдеггер считает, что распад философии на технические науки — это не первая, а последняя возможность мышления. Первая возможность мышления не доступна ни философии, как метафизике, ни наукам [10, с. 4]. О ней ведет речь М. Хайдеггер во второй части своего доклада, выясняя прежде всего то, что же является задачей мышления, «до чего мышлению есть дело, то, что для него является чем-то спорным, каким-то конфликтом» [10, с. 5]. Задача мышления проговаривается в призыве «К самой вещи», формулируемом как в феноменологии Гегеля, так и в феноменологии Гуссерля, но реализуемый этими фундаментальными философскими проектами по-разному. Хайдеггер видит за спекулятивным и интуитивным реализациями этого призыва, а также в истории философии как метафизики нечто остающееся непомысленным. Остается не помысленной «открытость, которая предоставляет как возможность позволения являющегося и показывание, — просвет (*die Lichtung*)». Просвет Хайдеггер описывает как место для света; открытость, в которой светит свет, свободное место, простор, открытое для всего присутствующего и отсутствующего [10, с. 8–9]. Философия не тематизировала этот просвет, отдавая предпочтение тому, что является в этом просвете, но в начале философии о просвете говорит Парменид как о несокрытости (алетей). Интересно, что Хайдеггер описывает просвет как «место тишины»: «Спокойное сердце просвета есть место тишины, из которой возникает что-то вроде возможности взаимопринадлежности бытия и мышления, т. е. присутственности и восприятия» [10, с. 11]. Подобную метафорику тишины, спокойствия, избавления для описания присутствия использует и Гумбрехт.

Таким образом, гумбрехтовское понятие присутствия, которое он проясняет сначала с помощью эстетических примеров как моментов особой интенсивности и сосредоточенности на том или ином предмете переживания (мелодия Моцарта, восхищение красотой женщины, радость по поводу забитого гола и т. п.), удаляющее нас от мира повседневности, остановка производства значения, имеет истоки в хайдеггеровской концепцией завершения метафизики и мышления бытия. Современная культура связана не столько со знаниями и значениями, сколько с переживанием собственного присутствия, высокой значимости опыта индивидуальности, отличия от других, испытанием случайностью и свободой. Эти тенденции, воплощенные в моментах культуры присутствия, позволяют

поставить вопрос о преодолении господствующей со времен Просвещения научно-технической цивилизации, превращающей все в ресурс, в том числе и самого человека, т. е. вопрос о возможности иного «мирового жительствоваания человека».

Список литературы

1. Гумбрехт Х. У. Производство присутствия: Чего не может передать значение. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 184 с.
2. Хайдеггер М. Время картины мира // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. 447 с. (Мыслители XX в.)
3. Шустерман Р. Прагматическая эстетика: живая красота, переосмысление искусства: монография. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012. 408 с.
4. Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Издательство «Ad Marginem», 1997. 451 с.
5. Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии / Перевод с немецкого А. Г. Черныкова. СПб.: НОУ «ВРФШ», 2001. 445 с.
6. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Витгенштейн Л. Философские работы. Часть I. Пер. с нем. / Состав., вступ. статья, примеч. М. С. Козловой. М.: Изд-во Гнозис, 1994. 612 с.
7. Савченкова Н. М. Лекция: Другой и проблема любви <https://www.youtube.com/watch?v=aJCSiPkQqNE> [дата обращения 28.09.2017]
8. Павлов Е. Шок памяти. Автобиографическая поэтика Вальтера Беньямина и Осипа Манделштама. 2-е изд. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 224 с.
9. Kreuzmair Elias. Hans Ulrich Gumbrechts Begriff der Präsenz und die Literatur. In: // Helikon. A Multidisciplinary Online Journal. 2012. №2. С. 233–247.
10. Хайдеггер М. Конец философии и задача мышления // Философский журнал VOX. 5. 2008; С. 1–14.

О. И. Stavtseva

St. Petersburg University of the Humanities and Social Sciences
122238 Russia, St. Petersburg, Fuchik str., 15

PHILOSOPHICAL FOUNDATIONS OF THE CONCEPT OF “PRODUCTION PRESENCE” H.-U. GUMBRECHT

The article reveals the philosophical origins of the literary and cultural concept of the presence of H.-U. Gumbrecht is a Heideggerian understanding of being and a poetic attitude to the world, as opposed to the technical one, aimed at capturing and mastering things. As a result of the analysis, three interpretations of the Gumbrecht concept of presence are offered — theological, psychoanalytic, and also connected with Heidegger's ideas of thinking of being.

Key words: M. Heidegger, H.-U. Gumbrecht, overcoming metaphysics, presence, technique, poetic, the clearing of being, epiphany

References

1. Gumbrecht H.-U. Proizvodstvo prisutstviya: Chego ne mozhет peredat' znachenie [Produktion of Presense: What Meaning cannot convey] M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2006. 184 p. (rus.).
2. Heidegger M. Vremya kartiny mira. [Time of picture of the world] // Heidegger M. Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya. [Time and Being: Articles and speeches.] M.: Respublika, 1993. 447 p. (Mysliteli XX v.) (rus.).
3. Shusterman R. Pragmaticheskaya ehstetika: zhivaya krasota, pereosmyslenie iskusstva [Pragmatic aesthetics: living beauty, rethinking of art] Nauchnaya monografiya. M.: «Kanon+» ROOI «Reabilitaciya», 2012. 408 p. (rus.).
4. Heidegger M. Bytie i vremya. [Being and time] M.: Izdatel'stvo «Ad Marginem», 1997. 451 p. (rus.).
5. Heidegger M. Osnovnye problemy fenomenologii [The main problems of phenomenology]. Perevod s nemeckogo A. G. Chernyakova. SPb.: NOU «VRFSH», 2001. 445 p. (rus.).
6. Wittgenshtein L. Logiko-filosofskij traktat. [Tractatus Logico-Philosophicus] // Wittgenshtein L. Filosofskie raboty. [Philosophical works] Chast' I. Per. s nem. / Sostavl., vstup. stat'ya, primech. M. S. Kozlovoj. M.: Izdatel'stvo «Gnozis», 1994. 612 p. (rus.).
7. Savchenkova N. M. Lekciya Drugoj i problema lyubvi [Another and the problem of love]. <https://www.youtube.com/watch?v=aJCSiPkQqNE> [reference date 28.09.2017] (rus.).
8. Pavlov E. SHok pamyati. Avtobiograficheskaya poehtika Val'tera Ben'yamina i Osipa Mandel'shtama [Memory shock. Autobiographical poetics of Walter Benjamin and Osip Mandelstam]. 2-e izd. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. 224 p. (rus.).
9. Elias Kreuzmair Hans Ulrich Gumbrechts Begriff der Präsenz und die Literatur. // Helikon. A Multidisciplinary Online Journal. 2012. №2. Pp. 233–247.
10. Heidegger M. «Konec filosofii i zadacha myshleniya» [The End of Philosophy and the Problem of Thinking] // Filosofskij zhurnal VOX 5. 2008. Pp. 1–14 (rus.).